

Восточное обозрение

1890, № 39, 30 сентября

с. 9-11

НОВЫЙ ЗАЩИТНИКЪ „БОГАДЪЛЬНИ“

(Изъ картинной галереи современниковъ).

Наша замѣтка по поводу комментаріевъ «Сибирск. Вѣстн.» къ извѣстному читателямъ письму г. Антона Чехова о Томскѣ и о сибирскихъ женщинахъ нашла себѣ оппонента въ лицѣ нѣкоего Дигаммы, новаго Иркутскаго корреспондента названной томской газеты.

Какъ помнятъ читатели, «Сиб. Вѣстн.», соглашаясь съ отзывомъ г. Чехова о сибирскихъ женщинахъ, указала на «сѣрое» небо Сибири, какъ на причину отсутствія «колорита» въ сибирской женщинѣ. Это тыканіе пальцемъ въ небо нашло себѣ поддержку въ авторитетномъ г-нѣ Дигаммѣ. Въ словахъ фельетониста «Сиб. Вѣстн.» Дигамма усматриваетъ лишь риторическую фигуру, замѣну цѣлаго ея частью (pars pro-tota), и, по его толкованію, подъ «сѣрымъ небомъ Сибири» слѣдуетъ понимать «унылую сибирскую природу». Что г. Чеховъ, пробѣжавъ въ необычайно дождливое лѣто отъ Тюмени до Томска, нашелъ унылой сибирскую природу — это вполнѣ понятно. Но чѣмъ объяснить, что г. Дигаммѣ, который, какъ видно изъ его послѣдняго Иркутскаго письма, бывалъ и въ Забайкальѣ, показалась также «унылой» природа Сибири?

Разъяснивъ читателю, не изучавшему теоріи словесности, съ апломбомъ пятиклассника, не замысловатую риторическую фигуру томской газеты, г. Дигамма упустилъ, однако, изъ виду такое правило. Употребляя части вмѣсто цѣлаго, нельзя придавать этой части несвойственные ей эпитеты, не рискуя представить въ совершенно превратномъ видѣ все цѣлое. Фельетонистъ же «Сиб. Вѣстн.», взявъ часть вмѣсто цѣлаго, т. е. «сибирское небо» вмѣсто «сибирской природы», характеризовалъ это небо эпитетомъ «сѣрый», отнюдь не приложимымъ къ сибирскому небу, вслѣдствіе чего у читателя, незнакомаго съ Сибирью, могло получиться ложное представленіе и о всемъ цѣломъ, т. е. о сибирской природѣ. Для большей наглядности разъяснить сказанное примѣромъ. Если бы мы стали говорить вмѣсто «г. Дигамма» просто «утинный лобъ», то, вѣдь, это также была бы риторическая фигура, и замѣна цѣлаго ея частью, потому что, во всякомъ случаѣ, лобъ-то составляетъ часть г. Дигаммы; однако, мы сдѣлали бы грубую ошибку, придавъ ложный эпитетъ лбу г. Дигаммы, и тѣмъ могли бы ввести въ читателя ложное представленіе о всемъ ensemble'ѣ г-на Дигаммы.

Вызывая на сцену литературу, науку и Бокль, г. Дигамма говорить о влияніи природы на характеръ «или колоритъ» населенія. Это «или» весьма характерно для г-на Дигаммы; это «или» — одна изъ тѣхъ передержекъ, съ помощью которыхъ г. Дигамма связываетъ бѣлыми нитками въ одно цѣлое отдѣльные кусочки своего письма. Дѣйствительно, если, за словомъ дѣлѣ, утвержденіе г. Чехова, что въ сибирской женщинѣ нѣтъ колорита, замѣнивъ словами «въ

ней нѣтъ характера», то получится явная безмыслица, вслѣдъ за которой и наука, и Бокль останутся сами по себѣ, нисколько не оправдывая измышленій г-на Дигаммы. И не только Бокль, но и театральныи хроникеръ № 34 «Вост. обозр.», котораго также цитируетъ г. Дигамма и притомъ также дѣлаетъ передержку. Театральный хроникеръ, говоря о разсказахъ г. Салова, начинаетъ фразу, цитируемую г. Дигаммой, слѣдующими словами: «Какъ будто г. Саловъ хочетъ сказать своими разсказами: тамъ гдѣ хороша природа, тамъ и люди лучше». Слова «какъ будто г. Саловъ хочетъ сказать», г. Дигамма отбрасываетъ, вкладывая въ уста хроникера конецъ предложенія и, такимъ образомъ, приписывая ему совсѣмъ не вѣроятное утвержденіе. Какъ извѣстно, прекрасной природой сѣверо-славильскихъ острова Полинезіи, — «вѣчная весна тамъ радостно царитъ», какъ говоритъ поэтъ, — а людодѣство вывелось тамъ весьма и весьма недавно, да и то, благодаря не свойствамъ природы, а почти полному уничтоженію туземцевъ.

Это вторая передержка г. Дигаммы. Третья-же его передержка заключается въ томъ, что, цитируя характеристику сибирской женщины, сдѣланную г. Чеховымъ, онъ выбрасываетъ слова: «жестка на ошущь», — тѣ самыя слова, которыя сообщилъ г. Чеховъ нѣкій «старожилъ» г. Томска. Одинъ «старожилъ» сообщилъ, а другой «старожилъ» не только согласился, но и открылъ причину — «сѣрое» небо. А такъ какъ старожилы, съ которыми бесѣдовалъ въ Томскѣ г. Чеховъ, оказались, по собственному его свидѣтельству, весьма не взыскательными по части развлеченій — то и «жесткій» отзывъ объ этихъ господахъ не долженъ казаться кому-либо чрезмѣрнымъ, исключая, конечно, г-на Дигаммы, которому кажется столь «унылой» природа Восточной Сибири.

Впрочемъ, самъ г. Дигамма не считаетъ одну только сибирскую природу виновною въ тѣхъ свойствахъ сибирской женщины, которыя угодно было усмотрѣть въ ней г-ну Чехову. Дигамма ищетъ другихъ причинъ. Но на пути къ своему изслѣдованію онъ встрѣчаетъ неожиданныя препятствія со стороны «нѣсколькихъ штукъ старыхъ боговъ», которые «мѣшаютъ установленію нравльнаго, спокойнаго и безпристрастнаго взгляда на Сибирь и на все сибирское». Правда, эти нѣсколько «штукъ» «давно состарились», «выжили изъ ума», и Дигамма совѣтуетъ «отослать ихъ въ богадѣльню», но пока что, а теперь «своей глухой воркотней они по-прежнему сбиваютъ съ толку». Сверхъ того женщины «коварны», Сибирь «велика», и потому наблюденія Дигаммы не даютъ «точной и полной характеристики», и онъ «ограничивается лишь тѣмъ, что бросается въ глаза поверхностному наблюдателю». Ко всемъ этимъ затрудненіямъ присоединяется еще стыдливо-скромное сознаніе г-на Дигаммы, что «изученіе женщины никогда не составляло предмета нашей (т. е. Дигаммы) специальности». Не смотря на таинственную загадочность и кудреватость этого признанія, читатель отнюдь не долженъ упускать его изъ виду. Сокровенный смыслъ своего признанія г. Дигамма обнаруживаетъ весьма прозрачно впоследствии, когда начинаетъ разглагольствовать о роли женщины въ судьбѣ человеческихъ обществъ.

Предварительно скажемъ, однако, нѣсколько словъ о результатахъ изслѣдованія г. Дигаммы надъ сибирскою женщиною на пространствахъ «отъ Енисея до Амура». Г. Дигамма гулялъ по Большой улицѣ Иркутска и встрѣчался съ длинной вереницей воспитанницъ одного мѣстнаго учебнаго заведенія; затѣмъ онъ наблюдалъ женщинъ только «en masse» (какая добродѣтель!) вездѣ, гдѣ-бы онѣ ни появлялись — въ предѣлахъ избраннаго имъ для наблюденій района, — и получилъ такимъ образомъ впечатлѣніе средняго типа, который оказался чѣмъ-то вроде «картошки».

Кромѣ унылой сибирской природы, причины рождаемости этой «картошки» г. Дигамма усматриваетъ и въ условіяхъ «естественнаго подбора». Но такъ какъ онъ въ значительной мѣрѣ неучъ и съ Дарвиномъ знакомъ только по наслышкѣ, то и терминологія его весьма запутана. Для объясненія условій естественнаго подбора, нашъ изслѣдователь дѣлаетъ нѣсколько экскурсій въ исторію колонизаціи Сибири, но вмѣсто фактовъ естественнаго подбора, самъ того не замѣчая, вездѣ приводитъ факты исключительно полового подбора, причемъ никакой Америки не открываетъ, а повторяетъ то, что не разъ уже было сказано другими. Весьма любопытно припомнить, что исторія смѣшенія первоначальныхъ колонистовъ Сибири съ туземными племенами весьма обстоятельно была разъяснена въ сочиненіи одного изъ тѣхъ, кто, по словамъ Дигаммы, «давно состарился» и (<...>